

сложившейся техники исторической реконструкции, на поиске дополнительных по отношению к истории практик исследования.

Литература

1. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987
2. *Коломийцев В.М.* Методология истории (от источника к исследованию). М., 2001
3. *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. М., 1989
4. Политология. Проблемы теории. Под ред. Ачкасова В.А. и др. С., П., 2000
5. *Сидорцов В.Н.* Методология исторического исследования (механизм творчества историка). Мн., 2000
6. Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999
7. *Хеллевик О.* Социологический метод. М., 2002
8. *Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995.
9. *Загуменов Ю.* Развитие гражданского общества в Беларуси // Аналитический бюллетень Белорусских ассоциаций фабрик мысли. 2001. № 2. С. 32–38. <http://www.dialogue.unibel.by>

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИСКУССТВО РОССИИ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

И. И. Ерошевич

Русско-японская война, в которой впервые участвовали крупные паровые броненосные флоты, оснащенные разнообразной техникой, оказала большое влияние на развитие боевых сил, оружия, технических средств флота и способы их использования.

Война, с одной стороны, подвела итоги развития парового броненосного флота и военно-морского искусства за предыдущие полвека, с другой – наметила дальнейшие пути усовершенствования военно-морской техники и способов ее использования в боевых действиях на море.

Развитие капитализма сопровождалось быстрым ростом производительных сил, дальнейшим совершенствованием техники вообще и военной техники в частности.

На вооружении флота появились мощные броненосцы, новые виды оружия (мины, торпеды, трал) и средства связи (радио). Появление новой боевой техники изменило условия ведения вооруженной борьбы на море. Это, в свою очередь, требовало коренного изменения способа ведения войны и боевых действий. Однако этого не произошло. Несмотря на большие изменения в средствах борьбы, военно-морское искусство не претерпело коренных изменений.

В русско-японской войне обе стороны стремились решать стратегические задачи одним-двумя генеральными сражениями. Эти сражения

показали, что стратегия, основанная на стремлении сокрушить вооруженные силы противника таким путем, не отвечает новым условиям и требуется выработка новых методов ведения войны и боевых действий. Генеральное сражение и блокада не являлись единственными методами борьбы на море. Появление и развитие минно-торпедного оружия привели к новым видам боевой деятельности флота, таким, как торпедные атаки против кораблей в море и в базе, минные постановки и траление. Эти действия, не имевшие ничего общего с генеральным сражением, вместе с тем оказывали существенное влияние на ход боевых действий на море и изменение обстановки в целом. Не в боях и не в сражениях, а на русских минах, поставленных в районе Порт-Артура, японский флот потерял 2/3 своего состава [1].

До русско-японской войны между крупными столкновениями флотов обычно существовали длительные паузы. В этой же войне паузы заполнились систематической боевой деятельностью флота, которая была направлена на поддержание благоприятных условий в районе своего базирования, которые исключали бы возможность потерь кораблей от мин и торпед противника. И хотя деятельность русского флота в этом направлении не была достаточно эффективной, использование минно-торпедного оружия, равно как и средств противодействия ему, позволяет сделать вывод, что во время русско-японской войны зародился новый вид боевой деятельности – повседневная боевая деятельность флота. Она выражалась в организации дозорной службы, систематической разведке, оборудовании районов действия и противоминной обороны на театре военных действий. Эта основная особенность боевых действий на море в период русско-японской войны оказала заметное влияние на общую обстановку на море. Зарождение повседневной боевой деятельности флота привело к росту значения легких сил, без которых главные силы флота (эскадренные броненосцы и броненосные крейсера) уже не могли решать поставленные перед ними задачи.

Русско-японская война внесла много нового в развитие боевых сил и оружия флота, что, в свою очередь, оказывало влияние на тактику ведения морского боя. Выявилась необходимость более четкой классификации кораблей в зависимости от стоящих перед ними задач. Важнейшие требования, выдвинутые войной к отдельным классам кораблей, сводились к следующему:

- увеличение количества крупнокалиберных орудий, усиление бронирования и живучести, увеличение скорости эскадренных броненосцев;
- усиление артиллерийского вооружения, значительное увеличение скорости хода броненосных крейсеров;

- значительное увеличение скорости хода и дальности плавания легких крейсеров;
- усиление торпедного вооружения, обеспечение возможности производить минные постановки, увеличение скорости и улучшение мореходных качеств эскадренных миноносцев [2].

Опыт войны выдвинул ряд новых требований к оружию и техническим средствам флота. Увеличение дистанции боя и толщины брони потребовало дальнейшего усиления огневой мощи артиллерии и создания более совершенных приборов и методов управления артиллерийским огнем. Малая эффективность использования торпедного оружия миноносцев (японские миноносцы выпустили за время войны 208 торпед, из которых попали в цель только 19) [3] поставила вопрос об увеличении дальности стрельбы торпедами и разработке новых, более совершенных правил пуска торпед с миноносцев. Широкое применение минного оружия в боевых действиях на море (за время войны было выставлено 6475 мин заграждения, из них 4385 было поставлено русскими) [4] показало, что мины могут быть успешно использованы не только для обороны своего побережья, но и для активных целей, в том числе и для осуществления блокадных действий. Первое применение радио как средства связи и управления силами в боевых действиях на море показало необходимость дальнейшего усиления мощности радиоаппаратуры.

Морские бои русско-японской войны в своей основе все еще содержали характерные черты боев парусного флота. Это нашло свое выражение как в боевых построениях флота, так и в приемах ведения боя, для которых было характерно следующее:

- основным строем броненосного флота продолжала оставаться длинная кильватерная колонна, бой носил характер артиллерийской дуэли, отсутствовало взаимодействие между главными и легкими силами флота в бою;
- сохранение в целом линейной тактики, хотя появление дальнобойной и скорострельной артиллерии, торпедного оружия, мощной броневой защиты, а также радио как средства связи и управления силами в бою во многом изменило характер морского боя. Так называемое генеральное сражение распалось на ряд боев, разнесенных во времени и в пространстве, но объединенных между собой по цели (уничтожение сил противника) [5]. В то же время развитие боевой техники потребовало выработки новых способов действий, позволявших в наиболее полной мере использовать огневые возможности кораблей различных классов и их подвижность, а также

объединение их усилий в бою путем заранее организованного взаимодействия.

Опыт борьбы за Порт-Артур показал необходимость создания более развитой системы базирования флота на театре военных действий. Этот опыт еще раз подтвердил, что оборона базы флота должна быть достаточно надежной как с моря, так и с суши. Выявилась необходимость выдвижения переднего рубежа сухопутной обороны базы на расстояние, исключавшее возможность обстрела кораблей, стоявших в порту, и самой базы дальнобойной артиллерией с суши. Использование против кораблей, находящихся в базе, минно-торпедного оружия потребовало создания надежной системы противоминной и противоторпедной обороны базы [6]. Таким образом, развитие кораблей и их оружия поставило вопрос не только о расширении системы базирования флота, но и о значительном увеличении района самой базы в сторону как суши, так и моря.

Новым в развитии организационных форм корабельного состава военно-морских сил явилось создание в русском флоте высшего корабельного соединения флота – эскадры нового типа, представлявшей собой разнородное соединение надводных тактических групп: эскадренных броненосцев, крейсеров и эскадренных миноносцев. Создание однородных тактических групп кораблей позволило впервые в истории броненосного флота поставить более или менее определенные задачи для каждой тактической группы в бою, а объединение их в составе эскадры обеспечило организацию взаимодействия между ними.

Русско-японская война предъявила новые, более повышенные требования к службе штаба флота как органу управления. Если перед войной с Японией в российских штабах флота еще не было оперативных органов, то в ходе войны обстановка потребовала их создания. По инициативе адмирала С. О. Макарова при штабе командующего Тихоокеанским флотом был создан военно-морской отдел, который в основном и занимался оперативными вопросами. Придавая большое значение организации взаимодействия флота с сухопутными войсками, адмирал Макаров учредил при своем штабе должность «офицера по военно-сухопутным вопросам» [7]. Таким образом, в штабе С. О. Макарова значительно выросла роль оперативного органа и впервые в истории было положено начало созданию организационной формы взаимодействия флота с армией.

Одним из наиболее интересных вопросов боевой деятельности русского флота в период русско-японской войны были действия русских вспомогательных крейсеров на океанских коммуникациях. Они хотя и не оказали существенного влияния на снабжение Японии военными материалами, но военно-морское искусство, проявленное русскими моря-

ками в этом виде боевой деятельности флота представляет очень большой интерес.

Имея положительный опыт использования вспомогательных крейсеров на Черном море во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., высшее морское командование решило применять вооруженные пароходы для борьбы на океанских сообщениях Японии.

Прежде всего, поражает широта и смелость стратегического замысла русского морского командования, которое впервые в истории развернуло свои крейсера на коммуникациях противника в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Еще никогда в войнах нового времени не использовались в операциях на море паровые корабли на таких огромных пространствах и в таком огромном удалении районов боевых действий крейсеров от своих баз, как это было с русскими крейсерами в эту войну. В условиях отсутствия баз флота в океанах русское морское командование в целом успешно разрешило проблему снабжения вспомогательных крейсеров топливом путем фрахтовки угольных пароходов в нейтральных странах. Русское командование также удачно выбрало районы боевых действий крейсеров с учетом характера коммуникаций противника, напряженности движения на них транспортов, их важности, удаленности и уязвимости.

Большой интерес с точки зрения военно-морского искусства представляют методы использования вспомогательных крейсеров на коммуникациях, связь с ними командования, обеспечение крейсеров информацией о движении судов с военной контрабандой и управление ими. Выход крейсеров на коммуникации в целях маскировки производился поодиночке с интервалами по времени до двух суток. Одновременно в назначенном районе действовало по два крейсера. Поиск противника производился как раздельно (каждым крейсером самостоятельно), так и совместно двумя крейсерами, следовавшими на расстоянии друг от друга до 70 миль (в пределах надежной радиосвязи). В целях маскировки крейсера меняли районы своих действий, а в пределах района – места крейсерства, чтобы не дать возможности противнику определить местонахождение русских крейсеров и принять меры для уклонения от встречи с ними. Изменение районов крейсерства иногда сопровождалось переходом кораблей на сотни и даже тысячи миль.

В военно-морской исторической литературе часто встречается мнение, что тактика маневрирования районами боевых действий крейсеров при борьбе на коммуникациях и совместный поиск противника двумя крейсерами впервые были применены немцами в первую мировую вой-

ну. Очевидно, что русские моряки значительно раньше успешно применили эту тактику.

В условиях ограниченных возможностей радиосвязи (не свыше 100 миль) и огромного удаления районов боевых действий крейсеров от Петербурга, где размещался Главный морской штаб, руководивший их действиями, русское командование нашло оригинальный способ поддержания связи с крейсерами, крейсерских действий и возвращении в Либаву с помощью широкой агентурной сети.

В годы русско-японской войны произошло рождение боевого подводного флота России, и хотя боевая служба русских подводных лодок в эту войну свелась к несению дозорной службы, ведению ближней разведки и охране своего побережья в районе Владивостока, и лишь один раз за время войны русским подводным лодкам удалось обнаружить японские военные корабли и сделать попытку атаковать их (неудачную) – 28 апреля 1905 г. подводными лодками «Сом», «Дельфин» и «Касатка», японцы получили возможность убедиться не только в том, что русские имеют подводные лодки во Владивостоке, но и в реальной их угрозе для своих надводных кораблей. Показателем степени использования подводных лодок может служить боевая деятельность подводной лодки «Сом», которая за шесть месяцев войны прошла 1318 миль над водой и 93 мили под водой, удаляясь от Владивостока на расстояние до 120 миль. Наибольшая продолжительность пребывания лодки в море достигла восьми суток, а время нахождения под водой – 1,5 часа [8].

В ходе русско-японской войны зародились и получили некоторое практическое применение в боевых действиях на море и первые средства борьбы с подводными лодками. Так, во Владивостоке для защиты входа на рейд от возможного проникновения японских подводных лодок были установлены противолодочные сети.

Литература.

1. *Сорокин А. И.* Русско-японская война 1904–1905 гг. С. 27. М. 1956.
2. *Быков П. Д.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. С. 112–113. М. 1942.
3. История военно-морского искусства. Т.3. С. 251. М. 1953.
4. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Т.3. С. 441–442. СПб. 1908.
5. *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море. С. 38–39. М. 1990.
6. *Быков П. Д.* Указ. соч. С. 97–98.
7. *Макаров С. О.* Документы. Т.2. С. 200–202. М. 1960.
8. *Келле Э.* Подводные лодки в России в 1904–1905 гг. С. 16–17. Л. 1934.